

ЖУКОВСКІЙ В СЕМЬѢ ПРОТАСОВЫХ И ВОЕЙКОВЫХ

Естьлиб ты не предо мною
По пути земному шла,
Естьлиб жизнь сія тобою
Не украшена была —
О, спутник ангел мой,
Я б оставил путь земной!

Жизнь Жуковского, по крайней мѣрѣ в теченіе десяти лѣтъ, была украшена М. А. Протасовой — «Машенькой Протасовой», к которой он обращался с этими стихами, а отраженіе свѣта этой самой сильной любви поэта медленно меркнет, но не исчезает до конца его жизни.

Любовь к М. А. Протасовой, «украшеніе» жизни Жуковского, источник его чистых радостей и святых минут восторга, еще в большей мѣрѣ была источником страданія и тяжелой душевной муки: на пути его счастливой раздѣленной любви к племянницѣ стали непреодолимыя внѣшнія препятствія, и в борьбѣ с ними Жуковский был безсилен. Для богобоязненнаго, религіознаго Жуковского не было никаких сомнѣній в том, что не религія, а только формальный человѣческій закон запрещает брак между родными: в исторіи ветхаго завѣта, знающей браки между отцом и дочерью, братом и сестрою, Жуковский находил подтвержденіе своей мысли; отсутствіе же формальнаго, законнаго, если так можно выразиться, родства, — давало ему нравственное право не только любить и быть любимым, но и надѣяться на брачный союз с М. А. Протасовой.

Идеалист, устремленный к подвигу нравственнаго самосовершенствованія, отступил бы перед тѣм, что ему казалось бы «преступной» любовью, и поборол бы в себѣ эту любовь, но Жуковский не видѣл никакого преступленія в своем чувствѣ: не добровольно, а против воли он должен был отступать перед внѣшними обстоятельствами и перед непреклонной чужой волей. Послѣ очень большой и тяжелой внутренней борьбы Жуковский принужден был сдаться и тогда не только внѣшне, но и внутренно стал

отходить от Машеньки: замирающее чувство к ней замѣняется новыми сердечными чувствами и заботами, а ея образ замѣняется другим прекрасным образом — его «Свѣтланы», родной сестры Машеньки — А. А. Протасовой-Воейковой. Чистое чувство дружбы оказывается прочнѣе чистаго чувства любви.

Исторія романтической любви Жуковскаго, положившей отпечаток на всю его жизнь и творчество, интересно и вѣрно рассказана А. Н. Веселовским в его книгѣ «В. А. Жуковский. Поэзія чувства и сердечнаго воображенія»; в распоряженіи Веселовскаго был громадный матеріал, но собраніе А. Э. Онѣгина было для него почти недоступно. Пользуясь этим собраніем (только им и только неизданной его частью), я и добавляю нѣкоторыя детали к описанію этой значительной страницы в жизни Жуковскаго. Для того, чтобы избѣжать ненужных повтореній, я допускаю перерывы в изложеніи, перерывы, вызываемые характером настоящей работы — дополненія к тому, что стало уже общим достояніем.

3 августа 1812 года Жуковскій обратился с таким посланіем к А. И. Плещееву:

В час веселый всяк пророк!
 Вот мое вам предсказанье:
 Перестанет дуться рок,
 Кратко скорби испытанье!
 Близок счастья милый срок!
 Третье Августа число
 В будущем спокойном годѣ
 Будет все, клянусь, свѣтло
 Здѣсь и в чувствах и в природѣ!
 Снова к вам пришедши в круг,
 Будет Нину пѣть и радость,
 И златого мира сладость
 Возвратившійся к вам друг.

В мирный август 1813 года Жуковскій снова пѣл свою «Нину» — Машеньку Протасову, и жизнь в Муратовѣ Протасовых и в Черни Плещеевых потекла свѣтло, молодо и дружно. Дружескіе разговоры, поэтическія, литературныя упражненія, полу-признанія, философскія разсужденія, поиски истины и добра...

Скоро в Черни открылась своя Академія — «Académie des sciences impertinans», и в ней приняли участіе Жуковскій, мать и дочери Протасовы, Плещеевы, Юшковы, Кирѣевская, Елагин, Букильон, генерал Бонами, Морлинкур, Фор, Гетальс, m-me Чайковская и другіе. В бумагах А. Э. Онѣгина сохранились отчеты трех засѣданій «Академіи». Первое засѣданіе состоялось 24 августа

1813 года; участники его должны были, под разными девизами, дать отвѣтъ на вопрос: «De quel caractère desireriez vous qu'eut la personne à qui vous confieriez le bonheur de votre vie?» Дал свой — и притом очень большой — отвѣтъ и Жуковский под девизом «Voyez ma curiosité». Забрѣдшій Савойяр показывает автору волшебный фонарь: тѣни — женскіе образы — смѣняют друг друга. Появляется тѣнь ослѣпительной красоты, но ея разум слишком превосходит разум задумчиваго автора — и исчезает; за нею слѣдует другая очаровательная тѣнь, но она слишком учена и для телескопа забудет колыбель своего ребенка; ее смѣняет прекрасная тѣнь, меланхолическая и чувствительная, но ея голова чрезмѣрно экзальтирована, характер обидчивый и подозрительный, и она строит свой мір за предѣлами природы. Против всѣх «совершенныхъ женщинъ» Савойяр предостерегаетъ автора, который начинаетъ уже скучать, какъ волшебный фонарь показываетъ ему тѣнь — идеальную жену по мнѣнію Жуковскаго: «Voyez vous, mon cher Monsieur, cette figure si douce et si agréable? Elle n'a pas l'éclat éblouissant de ces beautés que j'ai eu l'honneur d'offrir à vos regards, mais avouez que ses traits paisibles vous touchent plus profondément. Vous n'etes pas ébloui, mais vous vous sentez doucement attiré vers elle; vous etes calme, mais vous etes heureux en sa présence. Sa beauté n'est pas du nombre de celles, qui produisent *tout* leur effet dès le premier moment; mais plus on la voit, plus on decouvre en elle de ces charmes touchants, de ces charmes, qui n'ont pas de nom et qui ne peuvent qu'etre senties — c'est l'invisible beauté de l'ame qui remplit tout, qu'on ne peut saisir nulle part qui vous attendrit et qui fait couler dans votre coeur un doux contentement. Peut être vous ne la remarquerez pas au milieu d'un brillant cercle de beauté, mais l'ayant une fois remarqué vous emporterez son souvenir dans la solitude, elle deviendra votre compagnon cheri et son image sera pour vous l'image du bonheur. Son ame, simple et douce, est remplie de cette sensibilité paisible, qui ne la tourmente jamais, qui se repand sur la moindre de ses actions: elle brille dans son regard modeste, elle charme dans sa douce voix; c'est comme la parfum de la violette qui embaumé, la prairie et resté invisible... Son coeur ne l'abandonnera jamais à l'orage passager d'une passion violente, mais il sera toujours tendre, toujours aimant, et jamais ne variera dans son attachement. Douceur inalterable — voilà son caractère, mais cette douceur n'est pas faiblesse. Elle cedera sans effort et trouvera du plaisir dans sa résignation; mais elle saura être ferme quand son devoir, quand l'interet de ce qu'elle aime l'exigera: en refusant elle aura l'air d'obeir et vous vous soumettez sans effort à son regard suppliant et tendre. Son esprit est droit, il aurait pu être brillant si la modestie n'adoucissait son éclat. Aimant à s'occuper, elle se suffira toujours et jamais ne pensera à sortir de son petit cercle ou regnent autour d'elle la tranquille activité, la paix, le contentement; Oh! qu'il est facile de la rendre heureuse — elle vient elle-même

au devant du bonheur! Son ame innocente le devine. Heureux celui qui *de bonne foi* le cherchera pour elle!..»

Восхищенный этим видѣніем, автор бросился к нему, — и все исчезло: и видѣніе, и Савойар, и его волшебный фонарь. Въмѣсто них появилось прекрасное дитя — амур, посланный судьбою на землю развлекаться и показывать волшебный фонарь тому, на кого укажет жребій.

Вопрос, предложенный на втором засѣданіи Академіи — почему человекъ болѣе живет в будущем, чѣм воспоминаніями прошедшаго? — не мог не интересовать Жуковского, поэта воспоминанія. Под девизом — «*Honny soit qui mal y pense*» — Жуковский дал свой отвѣтъ в формѣ разсужденія: естественно, нормально, чтобы ребенок радовался настоящему, без воспоминаній и надежд, чтобы юность смотрѣла в будущее, чтобы зрѣлый возраст дѣйствовал в кругѣ настоящаго, и чтобы старость сожалѣла о прошлом и ожидала свой близкій конец. Обозначив этот естественный путь природы, автор далѣе говорит о том, что судьба часто выбирает другіе пути, и во второй части разсужденія сказывается вполнѣ поэт воспоминанія. Так, он утверждает, что наше воображеніе составляется из воспоминаній, и будущее представляется ему бездною. Свой отвѣтъ Жуковский заключает словами: «*Je crois donc que celui le seul peut en quelque manière exister dans l'avenir, qui, n'étant pas accoutumé par des revers frequents à craindre la vie, jouit paisiblement de son présent et l'a su fonder sur les bases solides du passé — Ce n'est que cette reunion si rare qui peut donner à nos esperances le charme entrainant qui les transforme en réalité. Dans tout autre cas le mot exister dans l'avenir est vuide sens, et je n'y comprends rien*». Разсужденіе Жуковского не имѣло успѣха: первая премія была присуждена m-r Faure, вторая — М. А. Протасовой и третья Е. А. Протасовой.

Увѣнчано было первой преміей третье разсужденіе Жуковского (1 сентября 1813) — отвѣтъ на вопрос: *un préjugé peut être mis en balance avec notre amour d'un objet cheri?* (девиз Жуковского: *Persévérance*). Жуковский различает два рода предрасудков — одни необходимые, полезные (к которым он относит, между прочим, дуэль), другіе вредные, обязанные своим происхожденіем невѣжеству. Но прежде, чѣм отвѣчать на вопрос, нужно ли приносить в жертву любви предрасудки, Жуковский выдвигает слѣдующій принцип: должно приносить в жертву счастью любимаго человека все, кромѣ добродѣтели. Этим положеніем и предопредѣляются всѣ дальнѣйшія длинныя разсужденія и выводы. Величіе и твердость души побѣждают предрасудки, а величіем и твердостью обладают чувствительныя души, способныя возвышаться в любви и в Богѣ и в своей совѣсти находить опору и утѣшеніе.

М. А. Протасова и на этот раз была увѣнчана (она получила третью премію). Эти «серьезныя» литературно-философскія упражненія перемежались литературными шутками. Образцами по-

слѣдних могут служить два стихотворных отвѣта Жуковскаго на заданные вопросы:

В. 1. С чѣм сравнить гремушку?

О. Гремушку можем мы с надеждою сравнить;

Дитя гремушкою играет

И что вокруг него, того не замѣчает.

Так можем мы, когда надежда нас плѣняет,

Все настоящее забыть!

В. 2. У Жуковскаго к Максиму страсть или просто милая привязанность?

О. Страсть и ах! неизлѣчима!

И такая это страсть,

Что Жуковскому напасть

Уж приходит от Максима!

О том, какія настроенія господствовали в Муратовѣ, говорят стихи Жуковскаго к сестрам Протасовым:

К Сашѣ.

Дразни меня, друг милой Саша!

И я готов тебя дразнить,

В искусствѣ сладостном с тобой счастливым быть

И так дразнясь пускай и жизнь промчится наша!

К Машѣ.

Пришли Воейкова посланье

Хочу отвѣт писать!

За пѣснь волшебную Орфею в воздаянье

Хочу вороной прокричать.

В мирном дружном Муратовѣ появляется новое лицо — друг Жуковскаго — А. Θ. Воейков и завоевывает в Муратовѣ всѣх, особенно же Жуковскаго и Машеньку Протасову (болѣе всѣх сдержанно отнеслась к Воейкову его будущая жена — «Свѣтлана»). Позже (в 1815 году) Жуковскій записал в своем дневникѣ: «Пріѣзд ко мнѣ в деревню с самыми жаркими чувствами: принят, как мой друг; все я; стихи ко мнѣ или обо мнѣ. Такая дружба всѣх плѣнила и меня тут же». Жуковскій дѣйствительно оказался плѣненным «другом» Воейковым и в отвѣт на стихи послѣдняго и сам писал дружескіе, шутливые стихи, вродѣ слѣдующих:

К Воейкову.

Хвала, Воейков! крот, сады

Делилевы изрывшіи

И царскосельскіе пруды

Стихами затопившіи!

Пред ним, за ним свистят свистки

И воет горька муза.

Он бодр! Виргилія в толчки!

Пинком Делиля в пузо!

К нему же.

Воейков — брат!

Ты славно в шахматы играешь;

Ты счастье матом называешь

И подлинно ты мат!

Грубый, циничный, нечистоплотный в средствах, А. Э. Воейков, конечно, имѣл нужду в романтически настроенном, прекраснодушном Жуковском и был очень заинтересован в том, чтобы плѣнить его. Оцѣнивая их взаимныя отношенія, в которых Воейкову выпала на долю не очень красивая роль предателя друга, не слѣдует однако сгущать и без того мрачныя краски, в которых нам рисуется переводчик Делилевых «Садов» и автор «Дома съумасшедших», извлекавшій выгоду из очарованія, производимаго на всѣх его женой — «Свѣтланой». В моменты самой острой и пристрастной, не всегда справедливой ненависти, Жуковский все же признавал в нем «неизъяснимую способность быть добрым в нѣкоторыя минуты и фальшивость во всѣ остальные». Воейков явился в Муратово с искренно дружескими чувствами к Жуковскому, но этим чувствам нисколько не противорѣчило желаніе извлечь выгоду из дружбы. У Воейкова была связь с Авдотьей Николаевной Арбеновой; не открывая ея, но намекая на нее, Воейков в своих дружеских разговорах с Жуковским давал чувствовать, что хочет на ней жениться и для этого ищет профессорства. Тогда-то Жуковский и начал через А. И. Тургенева хлопоты о каѳедрѣ для Воейкова (впослѣдствіи оказалось, что он хочет профессуры в Дерптѣ для того, чтобы убѣждать якобы от преслѣдованій этой «ужасной» женщины, друга и родственницы Протасовых). Во время праздника у Плещеевых, в день возвращенія Жуковскаго из арміи, Воейков за вином «вывѣдал» у Плещеева о чувствах своего друга к Машенькѣ Протасовой и о рѣшительном несогласіи Е. А. Протасовой на брак ея дочери, и в руках Воейкова оказался большой козырь: вмѣстѣ с Жуковским он составляет проекты устройства его счастья, дает Жуковскому слово все устроить и принимает на себя роль «подпоры и подателя всѣх благ и надежд» для Жуковскаго. Этой ролью он вполне завоевал расположеніе и Жуковскаго и Машеньки, оказавшейся очень дѣятельной помощницей Воейкова в устройствѣ его личнаго счастья — женитьбы на А. А. Протасовой. А. А. Протасова своей особенной душевной красотой, соединенной с прекрасным лицом, очаровывала всѣх людей самаго различнаго душевнаго склада (достаточно назвать имена А. И. Тургенева, В. А. Перовскаго, И. И. Козлова, Н. М. Языкова, Л. С. Пушкина); не мог остаться равнодушным и А. Э. Воейков. И благодарная, очарованная другом своего Жукѣ, Машенька Протасова сватает свою сестру — роль, которую она не могла простить себѣ до конца дней («Вспомни свадьбу Сашину, писала она Жуковскому 6 декабря

1815 года, не я ли ее сдѣлала? Всѣ комедіи, которыя тогда играл В., я принимала за чистыя деньги, и теперь всякую слезу Сашину должна упрекать себѣ»). «Подпора и податель всѣх благ и надежд» Жуковскаго, «хранитель Машинаго спокойствія», будущій супруг А. А. Протасовой рѣшительным образом привлекает к себѣ симпатіи и матери — Е. А. Протасовой своими религіозными разговорами, маской религіозности, безконечною, безграничною преданностью и удачно выбранной для нея ролью «хранителя от всѣх бѣд». «Воейкову начинают показывать желаніе имѣть его в семьѣ»; Жуковскій, зная от Мерзлякова о связи Воейкова с А. Н. Арбеновой, задает прямой вопрос Воейкову, но получает в отвѣтъ, что Мерзляков «пьяница и клеветник». Воейков добился своего — он счастливый жених А. А. Протасовой и уѣзжает в Петербург хлопотать через друзей Жуковскаго (Кавелина, Тургенева, Сѣверина и друг.) о каѳедрѣ в Дерптѣ, причем всѣх увѣряет, что ищет Дерпта единственно для Жуковскаго, дабы вмѣстѣ жить. По возвращеніи в Муратово ведет с Жуковским «жестокіе разговоры на счет Е. Афан.», предлагает Жуковскому увезти Машу — и в то же время цѣлует руки и ноги Е. А. Протасовой, не любя ее, подписывает на Геснерѣ «несчастіе и опыт Авдотьи Николаевны будут счастьем и опытом для Сашини послѣ матушки, она ей лучшій ментор, нежели я и Маша» (Жуковскій подписал карандашом: в с е п р и т в о р с т в о!).

Жуковскій читает своего «Пловца» — и Е. А. Протасова просит его удалиться из Муратова. Жуковскій уѣзжает — безраздѣльный глава семьи теперь А. Ѳ. Воейков, муж А. А. и «хранитель от всѣх бѣд» Е. Аѳ-ны. Воейков выступает в роли посредника-примирителя и пишет из Муратова (4 сентября 1814 года) Жуковскому письмо, которое нельзя не привести полностью:

«Надобно писать к тебѣ, надобно послать тебѣ утѣшеніе! гдѣ возьмем мы его, добрый друг? с чего начать? что сказать тебѣ? не знаю, а писать необходимо; необходимоѣ, нежели когда нибудь. Покамѣст в твоей комнатѣ все оставалось по прежнему, по тѣх пор нам казалось, мы вѣрили, мы хотѣли увѣрить себя, что прежній хозяин ея отлучился не надолго, и скоро возвратится на свое родимое пепелище, к людям, которые его любят как брата, как друга, как человѣка, с которым они с малолѣтства привыкли вмѣстѣ рѣзвиться, расти, думать и чувствовать; как спутника, с которым прошли половину жизни, половину пути и добраго и худова, гладкаго и горестнаго. Несчастный друг! увозя свою библіотеку, ты отнял одно из прелестнѣйших наших очарованій. Нѣтъ, безцѣнный друг Муратовскій и вѣрный товарищ... братства! твоя зеленая комнатка, гдѣ мы свободно мечтали о будущем семейственном щастіи, общем нашем, едином и нераздѣлимом щастіи, остается неприкосновенною до нашего возврата из Дерпта, до твоего возврата в твое семейство; кромѣ тебя у

ней никого не будет хозяином. Ждать тебя, готовить для тебя комнату к 20-му Августа, уставлять все на свои мѣста, это доставило мнѣ нѣсколько самых пріятных часов. Я всегда вхожу туда с мыслію: «здѣсь жил друг мой, друг Сашин, друг Машин; здѣсь просіяла заря моего блаженства; его пріязнь заманила меня в Муратово; его обо мнѣ доброму мнѣнію обязан я Сашею; здѣсь будет он жить опять — с дружбою, с музами, с спокойствіем и блаженством. Истинная любовь, как добродѣтель, сама в себѣ находит вознагражденіе за пожертвованія, за лишенія. И его любовь, больше нежели чья нибудь будет умѣть вознаграждать его за обладаніе. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы твоя комната осталась нашим общим кабинетом, работною комнатою, куда бы никто не смѣл войти разрушить наши мечты и помѣшать нам до извѣстнаго часа. Сколько бы можно сдѣлать полезнаго, славнаго!

Так, любезнѣйшій друг и собрат! ты будешь жить вмѣстѣ с нами. Никакая власть на землѣ не заставит нас думать, что твое удаленіе из Муратова вѣчно. Матушка обѣщала мнѣ воротить тебя, когда я молил еѣ отдать тебѣ ея до вѣрность; я не смѣл ей сказать л ю б о в ь, ибо она любит тебя — и любит много. Погляди мнѣ в глаза! не сердись ли ты? в твоей волѣ! Нам не привыкать видѣть друг друга бѣшенными. Я обязан говорить тебѣ правду, и не хочу в этом случаѣ походить на нѣкоторых друзей твоих, кои по безхарактерности и легкомыслію, или даже по ложнопонимаемой дружбѣ, хотят тушить пожар соломою, и плачут от всей души, видя что пожар увеличивается, а опасность становится болѣе и болѣе, ближе и ближе.

Не выведи однако из этого предисловія, что я желал бы вырвать из твоего сердца любовь твою к Машѣ. Да будет проклята мысль сія в самую минуту рожденія! Любовь твоя есть чувство самое чистое, самое святое, самое возвышенное. Она твое богатство, гений, Слава и добродѣтель. И страдать от нее есть еще наслажденіе, во сто раз прелестнѣйшее равнодушія и этой пошлой связи, какія мы видим ежедневно, которую люди хотят выдать за любовь; но которая вопреки безчувственным, остается землею, черною, тяжелою. Знаю многих любовников и супругов вѣрных и страстных, и сам люблю мою Александрину горячо и нѣжно, люблю болѣе своей жизни; но право стыжусь своей холодности, грубости и подлости, когда стану сравнивать тебя с собою. Тебѣ Провидѣніе на роду написало быть во всем выше обыкновенных людей. Тридцатилѣтнее цѣломудріе, талант божественный, смиреніе и покорность судьбѣ непримѣрная — друг мой! ты один достоин любви Маши единственной; твое сердце одно достойно быть алтарем этаго Ангела. И мнѣ вырывать это чувство из твоего сердца? Я бы хотѣл только найти средство согласить любовь твою с совѣстью Матушки, с совѣстью общих родных наших. Мнѣ бы казалось, что надобно превратить ее в дружбу, самую чистую, самую пламенную, подвязать крылья же-

ланіям, усмирить требованія и зажать рот ропоту и жалобам. Но полно! ты станешь подозрѣвать меня в холодном непостоянствѣ мнѣнїи; выдумывать для себя новыя муки; потому что подозрѣвать в измѣнѣ друга, с судьбою коего так тѣсно связана судьба твоя — есть мученіе ужаснѣйшее. Это я знаю по себѣ; мнѣ ничего несноснѣе, как воображать, что мы не вѣрим и не полагаемся один на другаго: Тут и радость не в радость, и любовь не в наслажденіе, как прежде. Тут и в объятіях Александрины возможно быть несчастливым.

Нешастье и горесть дѣлают тебя несправедливым; послушай языка разсудка; он скажет тебѣ, что моя дружба не измѣнилась; мое мнѣніе постоянно; мои желанія и молитвы об одном и том же. Но обстоятельства перемѣнились, и от того наружность говорит против меня; однако я лучше хочу быть на время виноватым перед тобою, нежели перед совѣстью. Время объяснит остальное; между тѣм, скажу только одно: как могу я любить тебя меньше, когда час от часу уважаю тебя болѣе и болѣе? На мое уваженіе, на мое дружество к тебѣ, на мое дружество, участіе, помощь и любовь к Машѣ, можешь ты полагаться вѣрнѣе, нежели на чью нибудь. Ее щастье, твое щастье, наше щастье — есть одно и то же.

Александр Воейков.

4. IX 1814.

Село Муратово.

Несмотря на лесть, несмотря на кажденіе Жуковскому, в этом письмѣ Воейков становится опредѣленно на сторону Екатерины Аванасьевны; по возвращеніи Жуковскаго в Муратово Воейков опять «податель всѣх благ и надежд». Друзья ѣдут вмѣстѣ в Москву, и там Воейков совѣтует Жуковскому обратиться к Императрицѣ.

Воейков и Протасовы в Дерптѣ, Жуковскій, одинокій и печальный, в Муратовѣ. Воейков — деспот дѣлает невыносимой жизнь Машѣ, которая терпит молча всѣ издѣвательства и всю нравственную пытку для того только, чтобы не огорчать свою сестру. Доходит до того, что Маша готова броситься на шею первому встрѣчному — тому же Красовскому, которому Воейков подает надежду, лишь бы избавиться от преслѣдованій Воейкова (Жуковскій язвительно записывает: «Красовскій нужный для блистательнаго начала лекцій»).

Унылый Жуковскій в своем Муратовском уединеніи получил письмо от Екатерины Аванасьевны, которая его искренно любила, с предложеніем прїѣхать в Дерпт в качествѣ ея брата и друга всей семьи. Жуковскаго тронуло это письмо, он общал «все кончить» — «с тѣм, чтобы в семьѣ ея быть ея сыном и дру-

гом Маши», и 16 марта 1815 года приехал в Дерпт. Жуковский уезжал надолго, может быть, на всю жизнь в Дерпт — так с ним и прощались его долбинские и московские друзья (трогательно прощался с ним мальчик Иван Кирѣевскій: «ах! в Дерпт зачем! ты ѣдеш Жуковской доброй мой зачем от нас уѣдеш Жуковской ангел мой подумой как прекрасно тебѣбы с нами жить уѣдеш ты напрасно мы будим всѣ тужить»; А. П. Юшкова писала: «Мой брат! товарищ юных лѣтъ! Ужель на вѣки разставаться?..»). Жуковский пробыл на этот раз в Дерптѣ всего шесть недѣль, но эти шесть недѣль показали ему «цѣлым вѣком» и опредѣлили всю его дальнѣйшую судьбу.

Жуковский ѣхал в Дерпт с тяжелыми предчувствіями и без надежды на спокойствіе, — и предчувствія его не обманули: пребываніе его в Дерптѣ скоро превратилось в муку и для него самого и для всѣх окружающих. «Шпіонство на мѣсто сообщничества» Воейкова дѣлает его для Жуковскаго самым ненавистным врагом, шуточки Воейкова раздражают поэта, который не скрывает своей ненависти к Воейкову (эта ненависть еще усиливается к мучителю Маши); Ек. Аѳ. Протасова мучается разладом между своим братом и своим любимым зятем и с недоувѣріем и опаской слѣдит за тѣм, как не «братски» смотрит Жуковский на ея Машу — и видит обман его; А. А. Воейкова мучается за сестру, за мужа, за мать, за друга и умоляет Жуковскаго перемѣнить отношеніе к Воейкову («Жуковской брат милой, — пишет она ему записку, — драгоценной моему сердцу. Я тебѣ истинной друг; а ты ко мнѣ дружбы ни в каком случаѣ не сохранил. Ты ни мало не бережешь моего спокойствія семейнаго. Обращеніе твое с Воейковым самое обидное: единственный человек с которым ты не только по истинной его любви к тебѣ, но и из уваженія моей к нему, — не только ты его не любишь, но и самым холодным манером это показываешь. Скажи, за что»). М. А. Протасова — но на ея долю выпало больше всѣх мученія...

Шпіонство Воейкова и недоувѣрчивость Ек. Аѳ. только усиливают чувство Жуковскаго к Машѣ, и он, видя, что ему не довѣряют, обманывает, открывается Машѣ и готов похитить ее, дабы вырвать ее из рук Воейкова. Жуковский пришел в семью — и семейное спокойствіе разрушено. Жуковский раскрывает «Сады» Делиля, испещренные замѣчаніями Воейкова, и на одной страницѣ читает: «16 М а р т а . П р и ѣ з д Ж у к о в с к а г о в Д е р п т ѣ , а на другой было написано, как он рассказывает Машѣ, «от 10 десятаго февраля до двадцатаго марта был совершенно счастлив Воейков; за этим слѣдуют подписи Маменькина и я Сашина и Саша и твоя и Марія». Жуковский хотѣл уѣхать из Дерпта, но «разстаться с Машею и оставить ее на произвол Воейкова казалось для него «всего жесточаѣ». И вот тогда Жуковскому явилась мысль — «как вдохновеніе Божіе» — пожертвовать всѣм своим

для счастья Маши, стать точно, искренно, братом Ек. Аѳ. и получить наравнѣ с Воейковым право располагать ея судьбою. «С этою мыслию новая жизнь для меня открылась: моя семья, семейныя связи и то, что мнѣ всего дорожѣ, ты под моим надзором, в полной от меня зависимости! Как за такое счастье не отдать с наслажденіем всего собственнаго. Ах! милой друг, как в эту ночь я радовался своею жизнью! И много собственнаго счастья слѣдовало за этим пожертвованіем, сдѣланным единственно для тебя! Я вдруг очутился в семьѣ родных, с полною свободою их любить и чувствовать себя любимым. Всѣ прежде неизвѣстныя связи вдруг сдѣлались моими... Прежде я имѣл цѣлю быть счастливым вмѣстѣ с Машею. Это было средством к прекрасному и прекрасное состояло бы не в одном наслажденіи собственною своею жизнью, но в исполненіи с лучшим товарищем всего, что дѣлает жизнь прямо жизнью, в исполненіи всѣх обязанностей, в добрѣ, в собственном усовершенствованіи, в пользѣ другим — От этаго должно отказаться. Совсем другое должно быть теперь для меня средством к прекрасному. Оно состоит в пожертвованіи самим собою, в совершенном забвеніи собственнаго и все для нее... Я назвался братом не для того, чтобы имѣть одно это имя, и под этим именем имѣть непозволенные чувства и желанія. Нѣтъ! для того, чтобы она была мною счастлива, чтобы она принадлежала мнѣ, как дочь моей сестры, чтобы судьба ея от меня зависѣла... В чем счастье Маши? В спокойствіи и свободѣ сердца, в согласіи с матерью, в мнѣніи, что я счастлив; наконец и в том, чтобы имѣть с другим то, что имѣла бы со мною! В стремленіи к этому есть то, что для меня осталось прекраснаго в жизни! Нѣтъ нужды, что вопреки себѣ — самое страданіе есть средство к прекрасному! — Та минута, в которую я рѣшился, для этой прекрасной цѣли, пожертвовать собою, была восхитительна. Но это чувство восхищенія часто пропадает и я прихожу в уныніе! Нѣтъ нужды! Не должно терять бодрости... Мое небо — ея счастье — и так унывать не должно! Что прежде наполняло душу, то разрушено — свои надежды замѣнить ея надеждами; все то чего желал для себя передать ей, а самому жить настоящею минутою, настоящим добром! Своей же любви к ней уничтожать нѣтъ нужды — но сохранить ее как тайну; не дѣлиться ею и не желать чтобы ее она дѣлила! Быть вѣрным но уже не той Машѣ, которая передо мною, а той, которая была прежде, которая знала всю мою любовь — настоящей же любви не должна ее ни знать, ни угадывать. Жить для себя в воспоминаніи, а для нее в будущем. Пусть будет она знать, что я всѣм пожертвовал и для нее, что я только ею счастлив, но она не должна никогда знать, что я сберег свое прежнее чувство. Это чувство должно перемѣнить характер — быть без взаимности, без ревности, но как и прежде источником и причиною всего добраго...»

В этой мысли — отказаться от Маши для себя — Жуковского поддержал Воейков, который в разговорѣ с Жуковским говорил «жесткія» вещи, «ознаменованныя искренностію и дружбою», упрекал Жуковского в том, что послѣдній обманул довѣренность Ек. Аѳ. и нарушил свое обѣщаніе. Послѣ разговора с Воейковым Жуковскій написал ему в альбом:

«Хорошій плод хорошаго разговора».

«Счастлив тому, кому удастся пройти по землѣ, не споткнувшись на камень, кто, споткнувшись, воздержался от паденія! Но еще не совсем несчастлив и тот, кто, упавши, сохранил силу подняться и спѣшит ею воспользоваться, кто во время может сказать себѣ: нѣтъ ничего лучше исполненія должности; кому еще осталось, естьли не столько жизни (ибо как полагаться на жизнь) по крайней мѣрѣ столько надежды на жизнь, чтобы это исполнить на дѣлѣ. Исполнить же это на дѣлѣ и естьли можно вмѣстѣ. Что бы ни сулили страсти, но годами своих наслажденій не дадут онѣ того, что даст одна минута добродѣтели. Какая бы ни была наша судьба — ее даст нам Провиденіе! Здѣсь мы ни в чем не властны; но мы властны и должны быть или достойны своей судьбы, когда она счастлива, или ея лучше, когда она несчастна.

Все в жизни к великому средство. 4 Апрѣля 1815».

Между Жуковским и Воейковым возстановилась искренняя дружба — на 2 дня.

Еще прежде этого разговора Жуковскій написал о своем рѣшеніи Ек. Аѳ., и, очевидно, в отвѣт на рѣшимость Жуковского пожертвовать собою, она записала ему в альбом:

«Ничто нашей связи не могло разорвать, ты мнѣ брат! я твой истинный друг.

Екатерина Протасова.

Вседневно прошу Бога о твоём щастіи и увѣрена в его милосердіи что он тебѣ его и пошлет совершенное».

Переживая «восхитительныя» минуты самоотреченія и отреченія от Маши, Жуковскій поспѣшил обрадовать и Машу и написал ей: «позволишь ли мнѣ от тебя отказаться и самому найти человѣка, который бы тебя стоил?» — В отвѣтъ он получил: *marîée ou non marîée, je conserverai toujours mes sentimens*». Это выраженіе сжало сердце Жуковского: «И так она уже предполагает возможным замужество. Прежде это бы разтерзало мою душу. Но тут я не дал ей воли и сказал себѣ: так и должно! Естьли жертвовать, так уж всем! даже и ея привязанностію!» Далѣе Маша говорила, что она не хочет быть в тягость Жуковскому и готова выйти замуж за перваго встрѣчнаго. И в то время, как продолжалась кратковременная идиллія у Жуковского с Воей-

ковым и Екат. Аѳ., Маша про себя одна страдала, избѣгала всѣх, чтобы, как говорил Жуковский, «давать мнѣ пріятныя минуты с маменькою, когда воображала что я все простил Воейкову и радовался своею с ним дружбою» (об этом же писала и Маша Жуковскому: «j'ai cru t'être à charge à toi, et je te fuyais, car c'était le seul moyen de te procurer la bienveillance de maman!») Жуковский пожертвовал всѣм для счастья Маши и не мог не увидѣть, что она от того стала не счастливѣе, а несчастнѣе, и, вѣрный принятому рѣшенію, он не мог даже объясниться с нею и утѣшить ее. Впрочем, у нея нашлись другіе утѣшители: видя, что она грустна, Воейков сказал ей «утѣшительное словцо» — что Жуковский ее не любит и хочет только поскорѣе выдать замуж. Грусть и мученія Маши растрavляли сердце Жуковского, который очень скоро убѣдился в том, что, назвавшись братом Ек. Аѳ. и пожертвовав собою, он ничего не приобрѣл и все потерял. «Что мнѣ дали, пишет он в своем дневникѣ (бесѣдѣ с самим собою и Машею), за то счастье, за всѣ тѣ драгоценности, которыя я уничтожил? Одну наружность! Лице ласковое — а обстоятельства все тѣ же! И при всем что у меня самага нѣтъ ничего. Из того чистаго, позволеннаго счастья, которое я думал купить своею жертвою вышла одна тяжелая должность. Все что прежде соединяло с тобою разорвано, а на мѣсто этаго ничего; в душѣ ужасная пустота, на которую я даже и жаловаться не смѣл, считая и сожаленіе не позволенным; все что ее наполняло, естѣи не исчезло, то сдѣлалось запрещенным. — Я видѣл что ты грустила, но пособить было нечѣм... Мы будем розно — и сверх этаго наша обязанность будет разлучиться и в сердцѣ, потому что мы дали слово». Жуковский не мог не понять, что такое в мѣстѣ с Машею, для котораго он пожертвовал своим, несчастнѣе всякаго розно.

Идиллія скоро кончилась: Ек. Аѳ. попрежнему стала «оглядываться» и недовѣрчиво относиться к своему «брату», а с Воейковым Жуковский поссорился по слѣдующему поводу: в отвѣтъ на запись Жуковскаго в его альбом («Хорошій плод хорошаго разговора»), Воейков написал в альбом Жуковскаго и «с торжеством» прочел ему при Ек. Аѳ. слѣдующіе стихи —

У Геніев, как у Царей,
Премножество льстецов под именем друзей,
Но я увѣрен в том по чести,
Что человек с умом
Найдет различіе меж другом и льстецом —
Лстец гладит по шерсти — друг гладит против шерсти!

В этих стихах Жуковский увидѣл приписываніе Воейковым себѣ заслуги самопожертвованія Жуковскаго, и самая эта мысль казалась уже оскорбительной Жуковскому.

Но болѣе всего открыло глаза Жуковскому несчастное поло-

женіе Маши и ея письмо: с мыслию о том, что Маша не понимает мотивов его самопожертвованія, равно как и с мыслию о том, что это самопожертвованіе, все отняв, ничего не дало ему, разлучило его внутренно с Машею и сдѣлало ее еще болѣе несчастной — с этой мыслию Жуковскій не мог примириться и рѣшил во всем открыться Машѣ. Но как можно было открыться во всем, — и в своей любви, — не нарушая обѣта самопожертвованія и «братскаго» обѣщанія? И как можно было преступить обѣт и оставаться в семьѣ, когда он дал слово скрывать свои чувства и вырывать любовь к себѣ из сердца Маши? — Жуковскій выходит из этого затрудненія рѣшеніем уѣхать из Дерпта: «Я беру свое назад — пишет он 12 апрѣля (1815) — по крайней мѣрѣ лучшаго, драгоценнѣйшаго своего чувства мнѣ уничтожать теперь нѣтъ нужды! Но с ним уже я не могу остаться! Здѣсь я могу быть только братом, могу быть только с чувствами брата. — Разно с тобою я никому, кромѣ Бога, не даю отчета в своих чувствах; и я их сберегу; что буду я без них!»

Послѣ нѣскольких дней «безпрестаннаго мучительнаго сраженія с самим собою», Жуковскій обрѣтает покой и бодрость в принятом рѣшеніи уѣхать и бодро начинает свою запись — письмо 12 апрѣля: «Милой друг, моя Маша на всю жизнь — твое письмо меня рѣшило и всѣ мои сомнѣнія исчезли. Я отсюда уѣду и счастливы мыслию, что уѣду. В этот мѣсяц кажется мнѣ что я прожил цѣлой вѣк — сколько разных перемѣн. Сначала бѣдное старое одиночество. Потом то, чего бы я никогда не мог себѣ представить: свободное пожертвованіе привязанностію моею к тебѣ и твоею ко мнѣ, пожертвованіе соединенное со сладким чувством; нѣсколько дней или лучше сказать лѣтъ, проведенных с тяжелым чувством, что ты болѣе для меня не существуешь; наконец снова Маша моя, вся моя старая привязанность со всѣми своими чувствами, со всею своею жизнію в моем сердцѣ и самая разлука, как счастье! Все это в нѣсколько дней! Но теперь уж перемѣны не будет! Одно чувство на всю жизнь! Все будущее основанное на одном чувствѣ — дай мнѣ руку, мой ангел хранитель! Возвращая свои к тебѣ чувства, все что до сих пор было настоящею моею жизнію, я ничего не теряю! разлуки для нас нѣтъ! Разстояніе раздѣлит ли наши сердца, полная друг другом! То чувство, которое нас связывает здѣсь через короткое время свяжет тѣснѣе там, гдѣ нѣтъ разлуки! Все в жизни к великому средство! На эту минуту средство к великому заключено для нас в разлукѣ! Воспользуемся этим средством как угодно Провиденію! без ропота, с полною надеждою, что все доброе будет имѣть свою награду! Боже мой, как нам вообразить, что мы несчастны, когда мы друг друга любим, когда мы живем с одинакою цѣлю, когда мы вспомним, что вся будущая жизнь наша, что счастье в душѣ, что туда принесем чистую, вѣрную друг другу душу на вѣрное истинное счастье!.. Разставшись, по крайней мѣрѣ

сбережем то, что нам принадлежит, что мы приобрели терпением, жертвованиями и годами горя, нашу взаимную любовь! Она наша! Она, очищена перед Богом! Он нас соединил здесь и там подтвердит союз наш!..»

Проходит неделя, а Жуковский все еще в Дерптѣ. Рѣшимость ѣхать в нем не ослабѣвает, и, вновь пересматривая этот вопрос, он приходит к тѣм же самым выводам. «Мнѣ не должно оставаться в Дерптѣ, — начинает он свой дневник 20 апрѣля — это будет и моею и Машиною гибелью». Почти вся запись дневника дословно вошла в письмо к Машѣ, написанное в тот же день. Жуковский готов был бы остаться в Дерптѣ и сохранить свой обѣтъ самопожертвования, «если бы маменька могла видѣть во мнѣ брата и точно как сестра дать мнѣ всѣ права в своем семействѣ». Между тѣм этого нѣтъ, и во всѣх столкновениях его с Воейковым Екат. Аѳ. принимает сторону послѣдняго; Жуковскому говорят, что хотят и считают нужным дѣлать ему напоминанія, то-есть держать над его головою розгу, чтобы он как-нибудь не забылся — «самое вѣрное средство заставить меня не забытья, а все свободно нарушить» — добавляет Жуковский. И Жуковский боится, что это недоверіе и тѣма мелочей заставят его измѣнить самому себѣ, доведут до вины — и «опять нас во всем обвинят, опять Воейков, с обыкновенным своим безстыдством, скажет мнѣ, что я обманул да еще и в альбом напишет, что погладил меня прот и в шерсти — что тогда буду отвѣчать!» Снова возвращается Жуковский к вопросу о замужествѣ Маши и, ставит вопрос — «Что значит для них мое обѣщаніе помочь выдать тебя замуж?» — так отвѣчает на него: «Не иное что как обѣщаніе быть нѣмым свидѣтелем, когда захотят тебя бросить первому попавшемуся в руки! Но прав никаких это обѣщаніе мнѣ не дало; я все в сторонѣ! я все чужой. Ни совѣтовать, ни противорѣчить мнѣ будет не можно — и противорѣчіе и совѣтъ истолкуют совсем иначе! Заставят меня молчать, напомнив мнѣ мое обѣщаніе! Я буду его рабом и в то же время буду смотрѣть, как бездушный Воейков, без всякаго к тебѣ участія будет продавать твое счастье. Вѣдь надежда, данная Красовскому, насилие и торг? И так, в этом моем обѣщаніи, которое для меня имѣет такой высокой смысл, будет заключена одна только ужасная для меня неволя»... Вывод все тот же: необходимо уѣхать, быть розно, потому что быть вмѣстѣ — значит видѣть друг друга и не имѣть способа сказать друг другу искренняго слова, значит страдать, не облегчая друг другу страданія, быть вмѣстѣ — «напоминать только друг другу своим присутвіем, что мы розно».

Непріятности продолжались, и письмо Жуковскаго к Машѣ 26 апрѣля содержит в себѣ только «глупую исторію» с Воейковым. Отѣзд Жуковскаго рѣшен.

Послѣдніе дни перед отѣздом Жуковскаго в Петербург про-

шли мирно и даже дружно. Екат. Аѳ. написала ему письмо, которое его примирило с ней: «Добрый мой, несравненно драгоценной мой Жуковскій опять дает мнѣ надежду на искреннюю дружбу; опять вселяется в мое сердце спокойство и увѣренность на ангельскія связи на землѣ. Я всякой день молюсь Богу, чтоб он ему открыл глаза и избавил бы его и возвратил бы ему спокойствіе, в котором все и мое заключается. С его умом, с его добрым сердцем не мудрено себя побѣдить, естли захочет!»

По этому поводу Жуковскій записывает в своем дневникѣ: «Еще нѣсколько усилій и найдешь способ дѣлать из своей судьбы лучшее употребленіе. Не дѣлать ничего противнаго долгу и совести — это возможно. Дѣлать то добро, к которому способен. Занятія. Три предмета, которые обдумать. Для перваго вѣрное правило внутреннее чувство естли только оно не ослѣплено страстью: в этом случаѣ все искусство состоит в том, чтобы узнать, что мишура страсти и что истинный свѣтъ чувства. Для втораго знаніе самаго себя. С этим незнакомым выходцем из луны не худо позблизиться. Для занятія постоянство и порядок. При всем этом жизнь нечувствительно кончится.

Дурной поступок для сердца неизпорченнаго навиком к дурному дѣлает яснѣе должность; он, точно как разрушенныя очарованія, заставляющій молчать софиста — страсть и представляющій все в настоящем, простом, неукрашенном видѣ.

Здѣсь я не имѣю того, чего желаю, но вопрос могу ли имѣть? Может ли Е. А. быть такою, как бы мнѣ хотѣлось? Нѣтъ! Это значило бы требовать невозможнаго! Должно ли обвинять за невозможное? Это будет несправедливо! И обвиненіе несправедливое только ей прибавит лишнее горе к тѣм горестям, которыя она имѣла и имѣет. Гораздо благороднѣе жалѣть о тѣх обстоятельствах, которыя лишают ее способа дать нам счастье и не обременять ея еще большею тягостью. Она искренно желает моего счастья. Но мы розны в образѣ чувств наших. Желать их согласить нельзя и столько посторонняго тому противится. Я должен бояться и собственной несправедливости и собственного характера. Всегда ли и во всем ли могу себя оправдать. Теперь кажется я сужу справедливо потому что сужу спокойно благодаря разрушителя очарованія. Чтобы всему положить конец, надобно не только рѣшиться здѣсь не остаться, но еще не обвинять ее за то, что она не могла согласить своих чувств с моими: в этом виноваты обстоятельства. Слѣдовательно разстаться с нею без всякаго дурнаго чувства; она так же стоит сожалѣнія, как и я.

Переписав эти строки — резигнацію — в письмѣ к Машѣ, Жуковскій заключает письмо слѣдующими словами: «Вот мои разсужденія, которыя выльчили меня от бессонницы. Из Петербурга буду обо всем этом писать к маменькѣ; надобно ее успокоить; я

благодарен ей за ту искреннюю ласку, какую она ко мнѣ имѣла во все послѣднее время. Большаго нелзя никак от нее требовать: надобно войти в ея положеніе. Письмо мое успокоит ее, и тебѣ тогда будет лучше. А в остальном — довѣренность к провиденію и друг к другу. А обязанность твоя и моя сдѣлать из судьбы своей самое лучшее употребленіе. Еще нѣсколько усилій и все придет в порядок. *Vive les mauvaises actions!*

В таком настроеніи и с такими мыслями уѣзжал Жуковскій из Дерпта. А Маша? — Письмо к ней 20 апрѣля Жуковскій заключал словами: «Прошедшаго у нас никто не отымет, а будущаго не надобно! Одно только условіе! не дай собою пожертвовать! Чтобы твой друг, твой брат не мог упрекнуть тебя, что ты добровольно истребила все его счастье!» Перечитывая теперь эти строки, Маша должна была понять, что она не может больше рассчитывать на дѣйствительную помощь своего Жукѣ, на то, что он может избавить ее от Воейкова, и что может быть только самопожертвованіем она может и внести мир в семью и найти собственный покой...

Едва уѣхал Жуковскій из Дерпта, как им овладѣвает и грусть и беспокойство внутреннее — так ли все произошло, как должно, и нужно ли было уѣзжать, нужно ли было разлучаться? По дорогѣ в Петербург Жуковскій дѣлает запись в Нарвѣ (2 мая 1815): «Около меня шум и крик. В ближней комнатѣ поют и врут. На небѣ пасмурно; да и в головѣ и в сердцѣ не яснѣе. Настоящее огорченіе всегда тяжелѣе прошедшаго, хотя бы само по себѣ оно было и менѣе. Теперь грустно от того, что мы розно, от того что нелзя уже себя поддерживать надеждою на свиданіе, которая преждѣ и тайно и явно во все вмѣшивалась. За нѣсколько времени грусть разлуки казалась легче, нежели грусть от того что мы вмѣстѣ и розно; причиною этому было то, что разлука была еще вдали, а то тяжкое чувство было в сердцѣ. Как быть с собою? Как приучить себя находить и чувствовать хорошее или лучшее в том, в чем находит его разсудок. Я знаю что нам быть розно лучше нежели вмѣстѣ, за нѣсколько времени я это даже и чувствовал. Теперь унылость. Надобно быть твердым. Помнить, что б ы т ь в м ѣ с т ѣ: значит быть невольником во всѣх чувствах, быть невольником Воейкова; быть униженным; быть лишенным своей любви; не имѣть способа сдѣлать ничего добраго; быть по наружности виноватым и быть подверженным опасности сдѣлаться виновным в самом дѣлѣ; что б ы т ь в м ѣ с т ѣ желать не должно, потому что их характеры никогда не пе-

ремѣнятся; что надежда и будущее е пустыя слова, что я могу пользоваться настоящим»...

Послѣ отъѣзда Жуковскаго из Дерпта, там продолжалась комедія семейнаго счастья, разыгрываемая Воейковым. «Хранитель домашняго спокойствія», Воейков выражает чувства Е. Аѳ. к дочерям и от ея имени, за нее пишет такіе, напр., стихи:

Матушка Сашѣ.

Для чувств моих к тебѣ нѣт слов и выражений;
Их никакой поэт, ни Геній
Не в силах описать в стихах,
И ты, дочь милая! их тщетно ожидаешь;
Ты в сердцѣ матери их лучше прочитаешь
В благословеньях и слезах.

Матушка Машѣ.

Я слышу каждый день сужденья и доводы
Отцов и матерей;
«Таков, они твердят, таков закон природы,
Что мы без памяти любя своих дѣтей
Не можем никогда заплачены быть ими;
За страх, бессонницу, болѣзни и труды —
Почтенье, вѣжливость, холодность всѣ плоды!»
Нельзя мнѣ согласиться с ними,
Мой жребій не похож на их:
Пусть взглянут на дѣтей моих;
Мнѣ платит за любовь любовью равной Саша,
Ты платишь мнѣ сторицей, Маша!

Зная «непостижимую грубость» в обращеніи Воейкова с Машей, еще болѣе странно читать его альбомныя стихотворенія, обращенныя непосредственно к ней (3 іюня 1815):

1. В альбом сестрѣ Маріи, от дочери моей Катеньки, за два мѣсяца до ея рожденія.

Любовь к Тебѣ я получила с кровью;
Под сердцем матери в ней укрѣпляюсь я;
Мать, бабка и отец порукой за меня,
Что буду с лѣтами расти к тебѣ любовью.

2. К Машѣ от племянницы Катьки.

Моя душа живет любовью тетки Маши;
И жизнь и смерть, и здѣсь и там,
Вдвоем и пополам;
Я кровь Воейкова и Саши.

3. *Воейков сестрѣ Маріи в альбом.*

Я много не хочу; в моей однако волѣ
 Просить, чтоб ты меня не меньше и не болѣ
 Любила, сколько, друг! я сам люблю тебя;
 За дружбу полная была бы мнѣ награда:
 Тогдаб любила Ты меня
 Гораздо больше чѣм любил Орест Пилада.

По поводу этих стихов Жуковский имѣл бы полное основаніе говорить: «Вот семья, составленная из четырех человек, из которых каждому все извѣстно (или по крайней мѣрѣ должно быть извѣстно), что происходит в душѣ у другаго, и которые играют друг перед другом комедию, одни против воли, а другіе потому, что иного и дѣлать не умѣют и между тѣм еще сами себя хотят увѣрить, что это не комедія, а что-то в самом дѣлѣ. И таким это будет вѣчно... Всѣ эти записки разметанныя по книгам, которыя всякой нечаянно видит и прочитать может, имѣет что-то весьма подозрительное. Хочется другим открыть свое чувство и между тѣм остаться в сторонѣ, чтобы возбудить большую к нему довѣренность»...

Каждую почту Жуковскому пишутся ласковыя письма, и в этих письмах все чаще и чаще упоминается имя Мойера...

15-го іюня 1815 года А. Θ. Воейков отправил слѣдующее письмо Жуковскому:

Милостивый Государь дядюшка
 Василій Андрѣевичь!

В дѣсять дней считая от сего 15-го іюня, имѣет сполна родиться дочь моя Катерина, почему покорнѣйше прошу в слѣдствіе милостиваго Вашего обѣщанія пожаловать в Дерпт, гдѣ в началѣ будущаго іюля, имѣет совершиться святое крещеніе, и внучка ваша сдѣлается через то и крестною Вашею нижайшею дочерью. Прося Вас не оставить сего моего усерднѣйшаго прошенія, с отличным уваженіем и преданностью, за честь ставлю называться, вашим

Милостивый Государь дядюшка!
 Преданнѣйшим и всенижайшим племянником
Александр Воейков.

18 VI/15 15

Г. Дерпт.

№ 2. Приглашеніе на крестины будущей моей дочери; его благородія Жуковскаго.

Это шутка, в самом же дѣлѣ пріѣзжай непременно к 1-му

или окончательно к 10-му будущаго іюля, крестить дочь, и обрадовать отца ея,

Воейков.

И я Вам при сем случаѣ посылаю свой поклон; надѣюсь, что Вы обрадуете скоро Дерптских друзей своих прїѣздом к нам. Тогда я обняв Вас крѣпко скажу: добрый Жуковскій Вас много и много любит

Мойер.

В отвѣтъ на это письмо Жуковскій прїѣзжает в Дерпт и ведет там тоже мучительное безпокойное существованіе, что и два мѣсяца назад. Все попрежнему и хуже, чѣм прежде: несчастна Маша, несчастна и Саша (об отношеніи к ней Воейкова говорит короткая, но краснорѣчивая записка Жуковскаго: «Предложенія ночныя Софѣѣ наканунѣ родин жены; это немножко не согласно с тѣм восхищеніем, с каким наканунѣ были у всеночной»). Положеніе Жуковскаго в семьѣ то же, что и в апрѣлѣ, и он снова ставит тѣ же вопросы Машѣ: «Скажи откровенно, могу ли и должен ли здѣсь оставаться? Мы имѣть не будем болѣе того, что имѣем? а что же имѣем? Обѣщаніе от меня взято, а что дано за него? Принужденіе все то же — со мною маменька ласкова; но она и не думает, чтобы мнѣ чтонибудь было нужно болѣе! Это значит всѣм пожертвовать даром! Остаться здѣсь и имѣть в душѣ чтонибудь противное обѣщанному, никак не должно». Все письмо носит взволнованный характер, но волненіе вызвано не своим положеніем, а чѣм-то, что произошло «днем и ночью», а также положеніем и состояніем Маши. «Твое положеніе мучит меня — пишет ей Жуковскій. Ни удовольствія, ни свободы, ни даже возможности быть с собою! Все отнято. Я перед тобою счастливец. Быть рабою Воейкова, зависѣть от него во всем, не имѣть ничего собственнаго — я думаю, что я был бы счастлив, если бы точно увѣрился, что с кѣмнибудь другим ты была бы спокойна и имѣла наконец то что тебѣ нужно и чего ты стоишь. Маша, ради Бога скажи словечко. Меня твое положеніе мучит... Боюсь чтобы ты, при таком тяжелом принужденіи, не потеряла той опоры, которая была для тебя в самой тебѣ. Всего ужаснѣе и несноснѣе непривязанность к жизни и равнодушіе. Боюсь, чтобы твое положеніе не произвело его». Не в первый раз уже Жуковскій говорил, что он был бы счастлив, если бы Маша была счастлива с кѣмнибудь другим, но этот раз слова его должны были имѣть большее значеніе и иначе прозвучать для Маши: Жуковскій писал эти слова, уже зная о том, что Мойер объяснялся с Машей, о том, что он «украл» ея кольцо, и о том, что, по словам Воейкова, «Моеру дают слишком много надежды». Маша запомнила хорошо слова Жуковскаго и будет еще имѣть случай напомнить их ему.

В ноябрѣ 1815 года Маша сообщила Жуковскому о своем рѣшеніи выйти за Мойера и встрѣтила противодѣйствіе Жуковскаго, который умолял ее не жертвовать собою и не дѣлать еще одного человѣка несчастным. Послѣдній довод задѣл Машу — и задѣл тѣмъ сильнѣе, что Жуковскій повторил довод Воейкова. Постоянные враги сошлись в том, что, каждый по своимъ мотивам, оба противятся этому браку, рѣшенному Машей и ея матерью. В отвѣтъ своемъ Жуковскому 6 декабря (большая часть этого письма была извѣстна по письму Жуковскаго к ней) Маша пишет: «Воейков требуетъ чтобъ я дала ему клятву не выходить за мужъ никогда, если он не будетъ мнѣ дѣлать огорченій, но что при первой грубости он освобождаетъ меня отъ нее. Я знаю что старое будетъ по старому, с тою разницею что он никогда не признается, ни в одномъ огорченіи которое намъ сдѣлаетъ, и будетъ обвинять насъ безпрестанно; будетъ подсматривать, подслушивать и перетолковывать все по своему». Тут же она объясняетъ и причины нежеланія Воейкова, чтобы она выходила замужъ: «Преждѣ отъѣзда своего в Петерб. В. говорилъ совершенно противное тому, что говоритъ теперь. Прежде он готовъ былъ согласиться знать меня счастливую и желалъ отложить только для того, чтобы загладить прошедшее. Теперь он боится только того, что об немъ будутъ думать. Ему сказали что онъ будетъ извергъ если эта свадьба сдѣлается, и онъ говоритъ что черезъ его тѣло я пойду въ церковь. Два разъ онъ уже хотѣлъ ѣхать къ М. чтобы его зарѣзать. — Но оставимъ всѣ эти комедіи. — Я увѣренъ что Моіеръ генералъ, Моіеръ богатой — и В. употребилъ бы все чтобъ сдѣлать эту свадьбу, *il me persecutteroit tout autant pour que je me marie, qu'il me tourmente maintenant pour ne pas le faire*».

Это письмо заслуживаетъ вообще большого вниманія и по своему содержанію и по тону: письмо написано не покорной, послушной Машенькой, а М. А. Протасовой, рѣшающей сама свою судьбу и рѣзко парирующей удары Жуковскаго. М. А. Протасова начинаетъ с нападенія: «Письмо твое меня столько же удивило, сколько огорчило; я не узнаю в немъ ни сердца твоего ни чувствъ. Хочу отвѣчать тебѣ, хотя напередъ знаю что это ни къ чему не послужитъ». И далѣе она упрекаетъ Жуковскаго в том, что онъ мѣняетъ «свой образъ видѣть предметы»: «Ты которой видѣлъ самъ прежнюю жизнь мою, и которой совѣтовалъ мнѣ выйти за мужъ. Вспомни что ты говорилъ мнѣ за три дни до своего послѣдняго отъѣзда». Жуковскій обвинялъ Ек. Аѳ. в том, что она принуждаетъ его Машу выйти замужъ и что Маша жертвуетъ собою, забывая о себѣ для другихъ. «*Je vous assure* — отвѣчаетъ она на это — *que dans cette circonstance je n'ai pensée qu'à moi...* Къ чему однако можетъ послужить все это? Скажу теперь одно, и прошу тебя приниматьъ точно такъ, какъ я говорю: меня никто не принуждаетъ идти за Моіера, я желаю этого сама; сама первая это предложила, и теперь увѣрена что благородный характеръ его и пре-

красное сердце дадут мнѣ такое счастье, какого я не заслуживаю». Она рѣшила выйти за Мойера не для того, чтобы бѣжать от «бѣшенства» Воейкова, «а точно для того что люблю Моiera, уважаю его, надѣюсь имѣть тихую, спокойную независимую жизнь, что не только сама перестану страдать, но и всѣ окружающіе меня будут счастливы. Ты опять скажешь что это есть собой жертвовать — но ты ошибаешься — *j'ai bien pensée à tout ce que j'ai faire, à tout ce qui m'attend, à tout ce que je sens*... К этой мысли — о том, что она выходит замуж, чтобы «бѣжать» от Воейкова, она постоянно возвращается в письмѣ и — несмотря на всѣ ея увѣренія — совершенно ясно, что ея рѣшеніе вызвано именно этой причиной, ибо некому ее защитить от Воейкова. «Я буду зависеть от милаго, добродѣтельнаго человѣка, от того, кто доставит спокойствіе всѣм нам... Воейков будет показывать мнѣ уваженіе, как скоро потеряет право и возможность меня мучить. Теперь для того чтоб избавить Сашу от огорченія и спасти может быть жизнь ея ребенку я переносу все с терпѣніем, а мое снисхожденіе заставляет его болѣе забываться». Жуковский просил ее не спѣшить с замужеством. Она отвѣчает, что ни она, ни Ек. Аѳ. не думали не только спѣшить, «но даже и таких близких сроков, какіе Вы с Воейковым назначаете не полагали», и прибавляет весьма рѣшительно: «Теперь же скажу тебѣ, что я не могу на это согласиться — все зависит от обстоятельств. Легко может статься, что мы гораздо долѣе отложим это, но может быть и прежде — одним словом я не могу и не хочу обѣщать ничего, и на это имѣю важные резоны, одна я. К тебѣ писала я так скоро об этом от излишней деликатности, а Воейкову говорила для того, чтоб дать ему думать, что я несовсѣм без пристанища». «Ты ошибаешься очень, — пишет она, думая что я его (Мойера) обманываю и сдѣлаю еще несчастнаго человѣка. Он будет знать что я могу дать ему, и тѣ чувства которыя я к тебѣ имѣю, так невинны, что я могу объявить их пред цѣлым свѣтом... Одним словом, ты говорил мнѣ, что желаешь только моего счастья — теперь случай доказать мнѣ это на дѣлѣ». М. А. Протасова не обращается в этом письмѣ ни за какими совѣтами к Жуковскому: она объявляет (или лучше сказать повторяет) свое рѣшеніе и просит своего друга поставить себя на ея мѣсто, а также помочь ей в том, чтобы Воейков не бѣшенствовал и не преткновенал ея замужеству: «Напиши к В. письмо ласковое, и без всяких упреков, в котором увѣрь его, что его слава, репутація и имя в свѣтѣ, не могут терпѣть от моего повѣденія, что никто обвинять его в моем замужествѣ не будет, и что ты желаешь только моего счастья». Ту же просьбу (и только ее одну) заключает в себѣ и слѣдующее письмо М. А. Протасовой — 16 декабря (1815).

Рѣшив выйти замуж (не отказываясь от чисто-дружескаго чувства к Жуковскому), М. А. рѣшила вычеркнуть окончательно и все прошлое и пишет Жуковскому (декабрь 1816):

«Жуковскій! я от тебя прошу, требую послѣдней милости! сжался надо мной, сожги всѣ мои письма. — Естли ты хочешь чтоб я опять была спокойна то сдѣлай мнѣ это пожертвование — От тебя я жду всего и ты меня не обманешь! я прошу Бога чтоб ты никогда не чувствовал моего мученья. Жуковскій будь увѣрен что я желаю выйти замуж, имѣть семѣйство, привязаться к жизни. Теперь она мнѣ в тягость! Дай мнѣ счастье, оно в твоих руках. Я увѣрена что говоря о моем счастии и желая мнѣ его, *au depend de votre grorce vserneur*, ты говорил не одни фразы. Теперь все в твоих руках. Исполни эти двѣ просьбы и ты сдѣлаешь для меня все. Я надѣюсь, что письмо твое к Воей. будет такое, какого я желаю. *En brûlant tout ce que vous avez eu de moi (mais tout je vous supplie) vous me delivrez de tous mes tourmens! Vous ne pourrez jamais vous faire une idée des chagrins de Maman et des miens. Pour mes malheurs ne proviennent que de ce que je l'ai trompée, et Dieu me punit trop severement. Je vous supplie brulez tout sans le lire. Dieu vous recompensera.*»

Послѣдняя страница «романа» Жуковскаго с М. А. Протасовой дописана: он может желать дружбы с ней, может желать ей «всѣ блага жизни сей», все возможное счастье с другим и даже счастье того, кто избран ей, «кто милой дѣвѣ даст названіе супруги», но он должен похоронить надежду на счастье вмѣстѣ с нею, он должен один строить свою жизнь. Маша вышла замуж только в 1817 году, 1816-й год для Жуковскаго — год раздумій, год перепутья. Лѣтом 1816 года он записывает в Ригѣ (в Дерптском дневникѣ 1815 г.): «От чего не вижу я ясно того, что мнѣ дѣлать должно? Именно от того, что до сих пор я жил совершенно противным образом тому правилу, которое предлагает Гете. Не было в жизни того, что называет он *Erst*; слѣдовательно не могло быть то рѣшимости, то связи. Этому причину воспитаніе и обстоятельства, слишком с ним сходныя. Воспитаніе не развернуло понятія, не открыло цѣли, не родило дѣятельности. Обстоятельства помогли уничтожить дѣятельность, привычкою все к одному чувству, которое сдѣлало ко всему невнимательным. Вопрос: можно ли теперь это поправить? Или оставаться в той ничтожности, в которой был до сего времени? К какой цѣли итти? И какіе способы. Цѣль быть довольным самим собою: это общій результат? Но на чем основано это довольство. На уваженіе самага себя: право уважать самага себя даст только увѣренность, что исполнил то, к чему обязывает имя человѣка. Имя человѣка = усовершенствованіе внутреннее и исполненіе на дѣлѣ того что в умѣ и сердцѣ. Ужасное положеніе начинать только готовиться в то время в которое надлежало бы дѣйствовать. Но неужели половина жизни, проведенной без дѣ-

тельности осуждает и остальную половину на недѣтельность, такую же ничтожную но болѣе мучительную, ибо с нею соединено знаніе сего ничтожества. Что же начать? Das sicherste bleibt immer: uns das nächste zu thun was vor uns liegt. Но этого мало. Ближайшее есть только шаг в перед. Надобно знать свою дорогу и знать, что при концѣ дороги. Я в тридцать лѣтъ ребенок, с неиспорченностью, но зато и с неопытностью и с невѣжеством ребенка. Разница только та что это младенчество закоренѣлое. Должно ли оно оставаться младенчеством. Чтобы сдѣлать из себя что нибудь надобно поступать с самим собою как умной воспитатель поступает с младенцем: он не обходится с ним как со взрослым и ведет его постепенно к зрѣлости. Мнѣ нужно прежде пріобретеніе (иначе то что буду дѣлать, будет несовершенно) и пріобретеніе для особенной цѣли. Особенная цѣль: поэзія в высоком смыслѣ, то есть соединенная с нравственностью, такая чтобы могла имѣть вліяніе благотворное и усовершенств. собств. характера (пріобр.: ясных мыслей о жизни, привычка исполнять их на дѣлѣ)».

Привычка «все к одному чувству, которое сдѣлало ко всему невнимательным», уходит в прошлое...

Перед самой свадьбой М. А. Протасовой или вскорѣ послѣ нея Жуковский написал слѣдующее стихотвореніе, оставшееся до сих пор неизвѣстным:

Первая утрата.

Вы промчались дни прекрасны
 Время первой любви и счастья!
 Ах! Когда б хотя мгновенье
 Жизни прошлой воротить.

Я грущу в уединеньѣ!
 Трачу жалобы напрасны!
 Счастьемъ милому не быть!

Вы промчались, дни прекрасны!
 (Разучилось сердце жить)
 И душа отвыкла жить.

Предпослѣдній стих зачеркнут, и вообще стихотвореніе осталось неотдѣланным, но оно и представляет интерес не в художественном, а в автобіографическом отношеніи.

В ноябрѣ 1820 года Жуковскій, сопровождая великую княгиню Александру Ѳеодоровну — Лаллу-Рук, уѣхал за границу и вел оживленную переписку со своими друзьями — особенно с Тургеневым и Сашей — А. А. Воейковой. Жуковскій очень ласково и заботливо спрашивает о Машѣ, слѣдит за ходом ея жизни, но письма он адресует не ей, нашедшей свое счастье в своей семьѣ, а несчастной в бракѣ Сашѣ. Внимательно и, если так можно выразиться, сердечно — вѣжливо поговорив о Машѣ, он сердечно болтлив с Сашей, которая представляется ему теперь осуществленіем всего прекраснаго в жизни, его ангелом, его «животворительницей». Чувство Жуковского к А. А. Воейковой лишено всякаго чувственнаго оттѣнка, он испытывает к ней молитвенную, религиозную любовь, но от этого любовь его не становится ни менѣ сильной, ни менѣ человѣческой, ни менѣ реальной: Жуковскій сердечно любит не отвлеченную идею, не олицетвореніе тѣх или иных качеств в Сашѣ, а ее самое, живую и жизненную А. А. Воейкову, присутствіе которой наполняло душу не одного Жуковского «священной тишиной». Надѣленная большим запасом идеализма, глубоко религиозная и покорная своему тяжелому кресту, посланному ей судьбой в лицѣ А. Ѳ. Воейкова, хрупкая здоровьем, А. А. Протасова-Воейкова никогда не жаловалась, несла с большой легкостью свой тяжелый крест, не сгибалась под ним, и находила в себѣ достаточно жизненной силы для улыбки, для шутки, и не только «животворила», но и оживляла душу, бодрила ее. Это свойство Саши ясно сказывается в одном из ея писем к Жуковскому: «Мой безцѣнный друг! вѣрно думаешь об своем вѣрном сердцѣ, об своей Сашкѣ нынче (16 января)! Поздравляю тебя! Цѣлой день об тебѣ думаю, моя милая душа! Я в Орлѣ. Пишу с Катьки портрет, и этот Ангел, как ни скушно ей, но сидит, и ежели крошечку зашевелится, то стоит ей сказать, ты Папку утѣшишь, ежели дашь себя списать и она опять сидит порядочно целой час. Цѣлую твои лапочки за шелк, несравненно хорош. Твое милое письмо я получила и радуюсь им как дѣтьми. Отвѣчала на него тотчас несмотря на то что меня трясла лихорадка. Жуковскій! продли Господи твоего живота и вѣку за то что ты меня любишь почти как я тебя. Прислала бы тебѣ посмотрѣть Катину харю, да боюсь что зажилишь. Послушай батюшка, чур ничего в письмах ко мнѣ не вымарывать. La plus grande cochoonnerie du mond est meilleure, que ce que je puis me figurer sous cet encre.

Дѣти у меня Ангелы, никогда не купая Сашку без того, чтобы сердце не билось об том, что ты ее не знаешь! Прощай душа моя! Отрада во всѣ грустныя минуты! Да сохрани тебя Бог мнѣ

Александръ Воейковой.

Вернемся однако к Жуковскому и к его письмам из за границы. В январѣ 1821 года он пишет А. А. Воейковой: «Возможно ли

Саша? Почти полтора мѣсяца, как я в Берлинѣ, а от вас нѣтъ ни строчки! Я не позволяю себѣ бояться, не хочу останавливаться ни на чем страшном; но по неволѣ боюсь! Что Маша? Но я в самом вашем молчаніи нахожу нѣчто успокаивающее! Если бы что нибудь дурное случилось, — вы бы вѣрно написали! Когда все счастливо, тогда еще можно лѣниться; но бѣду по неволѣ надобно раздѣлить. И так надѣюсь, что все кончилось счастливо, что Маша радуется своим робенком, что ты была у них, и теперь возвратилась, и что мой Тургенев у тебя часто бывает по вечерам и что я не забыт в вашем обществѣ. Знаешь ли как меня радует мысль, что ты с ним подружилась: ему также как и мнѣ нужно сосѣдство такой души, как твоя! Он в Петербургѣ весь истратился и если не так пропал как я, то это от того, что у него болѣе нежели у меня капитала! Но лучше сказать его капитал весь цѣл, но только без употребленія! а я кажется свой истратил и ничего себѣ не купил! Я увѣрен, что он с тобою проводит счастливѣя минуты и радуюсь этому сколько для него, столько и для себя: ты соединишь нас еще болѣе! Наша дружба не уменьшилась и ей уменьшиться не можно, — но она сдѣлалась похожа на нашу жизнь, получила какую-то вялость, недѣятельность; будь ея животворным Геніем; никто меня так не любит, как ты, и признаюсь никто так не оживляет теперь моего сердца, как ты: когда о тебѣ раздумаю, то все лучшее, поэтическое зашевелится в душѣ; и так говоря обо мнѣ с Тургеневым ты и в его сердцах воскресишь, если не дружбу ко мнѣ, ибо она не умирала, — но все то что оживляло эту дружбу: мы с тобою все дѣлили и в лучшія минуты (то есть не в счастливѣйшія, а в такія, в которыя был сам лучше) были свидѣтелями друг друга; и так мы друг друга знаем коротко и никогда не можем ни в чем быть розно. Мысль о тебѣ сохранила для меня всю свою свѣжесть; если бы надобно было нарисовать портрет земнаго счастья (идеальнаго) я бы послал живописца к тебѣ...»

Посылая А. И. Тургеневу 6/19 февраля 1821 года свою «Лаллу Рук» с подробным разсказом о праздникѣ и о том, как очаровала его душу великая княгиня, Жуковскій нѣсколько раз повторяет, что его стихи и письмо предназначаются только для него и для Саши: «чувство которое их произвело родня всѣм тѣм живым чувствам которыя в разныя прекрасныя минуты жизни наполняли душу. Для тебя, для Саши оно понятно, другіе могут его изъяснить иначе и изверкать своим изъясненіем». Что такое Саша для Жуковского — говорит это же письмо его: прекрасное — «его ни удержать, ни разглядѣть, ни постигнуть мы не можем; оно не имѣет ни имени, ни образа; оно посѣщает нас в лучшія минуты жизни — величественное зрѣлище природы, еще болѣе величественное зрѣлище души человѣческой (Сашиной души), поэзія, счастье но еще болѣе несчастье дают нам сіи высокія ощущенія прекраснаго».

В началѣ февраля 1821 года Жуковскій получил письмо из

Дерпта, — «одну из ярких звѣзд», — написанное обѣими сестрами вмѣстѣ: «одна (Маша) говорит в нем от полноты сердца о своем наконец найденном счастьи, а другая (Саша), несмотря ни на что, дѣлит его так же от полноты сердца» (письмо к А. И. Тургеневу от 8/21 февраля; Воейков отпустил на нѣкоторое время Сашу в Дерпт к сестрѣ). Отвѣтъ Жуковскаго представляет исключительный интерес и по тому, что говорит он в своем письмѣ о Сашѣ и Машѣ, и по тому, что это письмо может быть болѣе всего свидѣтельством о том, как в это время относился Жуковскій к одной и к другой сестрѣ. Это письмо заслуживает того, чтобы его привести полностью:

«Мой доброй Ангел Сашка, я получил ваше д о в о й н о е письмо и прочитал его с чувством возвышающим сердце. Это возвышеніе есть всегдашнее дѣйствіе твоего голоса, моя Сашка, ты сдѣлана для того, чтобы плѣнять душу, способную чувствовать прекрасное. Пока буду непросто знать тебя, а знать тебя и чувствовать по тѣх пор могу еще полагаться на себя. Это письмо написанное вами вмѣстѣ говорит мнѣ так много; в нем не смотря на примѣсь горькаго, есть много утѣшительнаго и успокаивающаго; какая разница в вашей судьбѣ и какое сходство в ваших сердцах. И как это письмо доказывает, что в здѣшней жизни все к одному, все для души. В Машиных строках чувствительно ее настоящее счастье, тихое, нероманическое, но украшенное оживленное ея душою, которая рѣдко сказывается, но в которой глубоко спрятано все что есть лучшаго; наконец она имѣла минуту в жизни, в которую могла сказать от полноты сердца: *Il y a tant de bonheur a vivre dans ce monde!* Как много для меня поэзіи в этом словѣ! Она говорит это мнѣ, и говорит в м ѣ с т ѣ с т о б о ю. И читать послѣ ее письмо твое...¹⁾ новое совѣм другаго рода чувство — какая разница в вашей судьбѣ и несмотря на то какое сходство в дѣйствіи. Послѣ всего, что было, вы сошлись вмѣстѣ и Маша говорит: мы о б ѣ блаженны, и ты повторяешь от полноты сердца блаженны *c'est le mot!* Можно сказать что между этими двумя фразами есть бездна и она вас не раздѣляет. Сашка, вот одна из тѣх минут в жизни, в которыя можно ясно понять, для чего дана нам жизнь! Какой свѣтлый фонарь! Как я люблю тебя с этим словом мы б л а ж е н н ы в виду счастья, которое не т в о е, а н а ш е, мой ангел, на что тебѣ з а б ы в а т ь! Твоя судьба есть Божья благодатная буря; рад бы сказать ей о б о р о т и с ь в я с н ы й д е н ь, но смотрѣть на нее иначе нельзя как на коленях, как с чувством высоким знаменующим присутствіе Бога скрытаго за этою бурей. *Et vous aussi vous avez monté la montagne de Cachemire:* но знай и пусть будет это твоим новым утѣшеніем — ты стоишь на этой горѣ не одна и не для одной себя. Знай что ты

¹⁾ Оторван кусок листа.

имѣешь имѣнно твоею теперешнюю жизнь! благотѣльное вліяніе и на нас. Я говорю здѣсь и о Тургеневѣ¹⁾).

Развѣ мало быть тебѣ для нас животворительницею²⁾. — То что ты теперь есть для нас что-то о б о д р и т е л ь н о е, священное. Надобно любить ту жизнь, в которой ты товарищ; но этаго мало, надобно стоять товарищества. В своем письмѣ ты говоришь только о Машѣ, ты описываешь ее так живо и вѣрно, а о себѣ почти ни слова! но в этом я еще болѣе вижу тебя, нежели Машу, тебя, свидѣтель ея рая; ты смотришь на него с наслажденіем из своей пустыни. *Je suis si heureuse, si triste, si troublée, si calme.* Что можно сказать на эти слова, в которых все что есть лучшаго в душѣ человѣческой! Рад бы дать тебѣ все возможное счастье, но как иногда позволить себѣ жалѣть о тебѣ! ты стоишь счастья, но сколько прекраснаго нашла ты именно на той дорогѣ, по которой ведет тебя провидѣніе. И когда подумаешь что ты имѣешь в ѣру, что твоя религія основана не на размышленіях, а извлечена непосредственно из твоей судьбы, тогда останешься в нерешимости: желать ли тебѣ...³⁾ другаго или нѣтъ; останешься с увѣренностію только в том, что надобно любить тебя, стараться быть тебя достойным, и что лучшее на сем свѣтѣ не счастье, а добродѣтель! — Я здѣсь однажды шел по улицѣ. На перекрестках, на углах домов обыкновенно приклѣиваются объявленія. Я остановился перед одним, вновь приклеенным. Около него было множество остатков от старых уже сорванных объявленій, одни из этих остатков были еще свѣжи, другіе уже позеленѣли от воздуха, а прочих и слѣда не было. Это был хаос без всякой формы и порядку. Однако было новое, но и то до з а в т р а. Это жизнь наша. Здѣсь все не иное что как объявленіе для про х о д я щ а г о. Прочти, воспользуйся и не заботься о клочкѣ бумаги, котораго скоро и слѣд исчезнет. Главное не то, чтобы остановясь перед сим объявленіем сказать о н о м о е, а в том, чтобы прочитать и м и м о и д т и. Все для про х о д я щ а г о, все для д у ш и, — хорошо, если умѣешь читать, а умѣя не лѣнишься и воспользоваться читанным. Докончи сама сравненіе).

К этому письму не многое можно прибавить — так полно сказывается в нем и сам Жуковский, и его отношеніе к А. А. Воейковой. Письма к А. И. Тургеневу полны упоминаніями о Сашѣ, об «ангелѣ, прилетѣвшем на нашу с тобой землю из рая, чтоб нам сказать — перестаньте забываться в вашей грязи, я вас сблизу и

¹⁾ А. А. Воейкова, переписывавшая это письмо для А. И. Тургенева, не удовлетворявшася одной идеалистической любовью к ней, замѣчает в скобках: «многое может ли в свѣтѣ горе сравниться с тѣм что Ж. ошибся в этом случаѣ. Благотѣльное вліяніе! *Après ce que vous avez dû hier!*»

²⁾ Замѣчаніе А. А. Воейковой: «Тургенев жальтесь надо мною, дайте мнѣ жить! — »

³⁾ Оторван кусок листа.

останусь с вами». Жуковскій радуется любви своего друга и постоянно убѣждает его, внушает, что эта любовь должна быть «без награды, без ревности, без цѣли собственнаго, в безкорыстной, соединенной со всѣми возможными пожертвованіями». Такую любовь своего друга готов дѣлать Жуковскій, который видит счастье в том, чтобы быть вдвоем товарищами и «хранителями» А. А. Воейковой. Приведя фразу из ея письма «Мнѣ мой Тургенев болѣе чѣм когда нибудь сдѣлался необходим», Жуковскій восклицает: «Брат, этаго тебѣ довольно для счастья». «Понимаю то чувство горя, пишет он А. И. Тургеневу (в мартѣ 1821), которое должно было наполнить твою душу, читая ея письма к мужу — но это чувство должно было быть минутным и еще болѣе безкорыстным — для нее должность необходима для счастья, слѣдовательно ея счастье может быть для нея только с ея мужем — но он не дает ей этаго счастья ибо не способен дать и она это чувствует — для нее теперь только и возможны одни замѣны; эти замѣны наше; она их должна имѣть сохранив главное, должность, так же святую для небес, как и для нее».

А. И. Тургенев не удовлетворялся тѣм чистым чувством, какое могла дать Воейкова, Жуковскій был им совершенно счастлив и ничего другого не хотѣл, как быть хранителем своей животворительницы, своей Свѣтланы. Жуковскій был счастлив любовью Саши.

Мы имѣем и постороннія свидѣтельства того, что А. А. Воейкова наполняла жизнь Жуковскаго. Так, 25 февраля/9 марта 1822 года А. И. Герман пишет Жуковскому: «Перовскій мнѣ говорит с восхищеніем о Воейковой и возгородился d'avoir retrouvé en soi un sentiment aussi pur que l'attachement qu'il a pour cette femme. По твоей привязанности к ней, я не сомнѣвался в ее качествах душевных, о тѣлесных я уже давно знал, что она прекрасна. Радуюсь для тебя мой друг, что ты имѣешь на свѣтѣ существа, которыя столь сладостно могут наполнить бытіе твое. Дай Бог ей только болѣе щастія и здоровія. Перовской весьма озабочен послѣдним».

Осень 1822 года. Жуковскій в семьѣ — с Сашей, ея дѣтьми и Е. А. Протасовой. В семьѣ Воейковых Жуковскій свой, А. Ѳ. Воейков — чужой, рѣдкій гость: Воейков живет в Петербургѣ и только изрѣдка пріѣзжает в Царское село. Так, 10 августа он пишет: «Прежде 26-го Авг. кажется мнѣ быть в Царском селѣ не удастся. Да и не за чѣм! У Вас так холодно, что я, избѣгая простуды, и в минувшую субботу пробыл только с час — не долѣе. Прощай! скажи мое почтеніе Матушкѣ, поцѣлуй за меня ручку у А. А. и благослови дѣтей». Отношенія бывшаго «невольника Воейкова» — Жуковскаго и «подпоры и подателя всѣх благ

и надежд» Жуковскому — Воейкова — рѣзко измѣнились: теперь Воейков почтительно относится к «другу» его жены и «благодѣтелю» его семейства и старается только о том, чтобы извлечь из дружбы вліятельнаго Жуковскаго с его женой выгоду для себя, для своих «листочков», выпрашивая стихи для Литературных прибавленій к «Русскому Инвалиду». Ревновать Жуковскаго к женѣ он не только не имѣет основаній, но и не смѣет: бывший глава семьи, ревниво относившійся к своему владычеству в Дерптѣ, теперь только потихоньку тиранит свою жену, ускоряя ея смерть. Деспоту приходится стать мелким тираном...

В это время умирает и готовится к смерти Маша Протасова — М. А. Мойер. Ранним утром (между 4 и 5 час.) 2 июля 1822 года в Бѣлевѣ, на берегу Оки, она начинает свой предсмертный дневник с эпитафиями «Я все земное совершила!» и «Hab' ich nicht beschlossen und geendet? Hab'ich nicht gelietet und gelebt? (весь дневник написан на нѣмецком языкѣ). Все содержаніе, тон и характер этого дневника 2 июля 1822 — 4 марта 1823 опредѣляются его первой записью:

«Я подошла к берегу рѣки — ах, там было все так спокойно! Это показалось мнѣ картиной моей прежней души! Стада ходили по берегу, солнце хотѣло всходить, и вѣтер пригонял волны к моим ногам. Милое дитя¹⁾! я молилась за Жуко, за мою Катю и за Вас! — А х скоро моя жизнь будет там, но эти впечатлѣнія будут меня и там счастливить. Я с судьбою мои счеты покончила, не жду для себя больше ничего и совершенно счастлива, когда имѣю спокойствіе в настоящем и всю душу в прошлом».

На каждой страницѣ — религиозныя размышленія, мысли о скорой смерти и подготовка к ней. И в день смерти М. А. Мойер «с радостью и желаніем» говорила о той жизни, к которой она готовилась. Жуковскій не присутствовал при ея смерти — он уѣхал из Дерпта за 10 дней до нея.

Вскорѣ послѣ смерти М. А. Мойер началось угасаніе и Саши, погибшей через 6 лѣтъ — в 1829 году — от чахотки. А. А. Воейкова умерла только в 1829 году, но уже в 1824 году Жуковскій ожидал ея смерти и не только подготовлял себя к ней, но и Сашу. 2 марта 1824 он писал ей: «Mon amie, ta dernière lettre m'a tant soit peu tranquilisée sur ton compte; il paraît d'après cette lettre qu'il y a un certain mieux dans ta santé; mais ce *mieux* est une faible consolation. Mon coeur est à l'agonie; il n'a rien à quoi se cramponner dans son angoisse. J'ai encore une autre crainte! Si ma dernière lettre, écrite dans un moment de trouble vous a bouleversée! Cela ne devrait pas pourtant être. J'ai pensé au contraire que j'allégerois pour vous un grand poids en vous parlant ouvertement; il vous doit être pénible de garder tout sur votre coeur par trop menagement pour nous. Cela

¹⁾ Так она называет своего мужа — И. Ф. Мойера.

ne peut pas vous faire du mal. Dieu est toujours avec vous; il vous conservera si telle est sa bonté. Mais en parlant sur vous vous mettez pour vous même en ordre vos interets les plus chers. J'ai confiance dans votre ame si innocente, si pure, si prete à tout: elle ne sera jamais troublée par des choses qui ne peuvent que l'aggrandir. En regardant derrière vous, vous ne trouverez pour le moment present que des consolations. L'avenir ne peut pas vous effrayer. Je commence pourtant à esperer d'après ta derniere lettre. Ces bains, que Scidlitz veut employer, peuvent te soulager. Que Dieu benise ce remède! — Vous recevrez cette lettre au moment ou Peroffsky aura deja été chez vous. Sa presence pres de vous a été aussi la mienne. Vous pouvez penser comme j'ai porté envie à Peroffsky. Le devoir me cloue à ma place: c'est un sacrifice enorme, que j'ai du lui faire. L'impossibilité de venir vous soulager a brisé mon ame...»

Послѣ смерти Маши осталась Катенька Мойер, послѣ смерти Саши — три дочери (Екатерина, Александра и Марія) и сын Андрей (оказавшійся слабоумным). Жуковскій стал опекуном дочерей Саши. «Не имѣя в мыслях заводить собственную семью», Жуковскій стал каждый год откладывать опредѣленную сумму для составленія капитала, который бы их обезпечил (брат их Андрей был обезпечен имѣніем и в силу этой ли или другой причины, но Жуковскій не только не хотѣл ничего ему удѣлить, но хлопотал у Государя, чтобы капитал, оставшійся послѣ смерти старшей дочери — Екатерины — перешел бы к ея сестрам, а не к брату). К 1840 году составился капитал в 120.000 рублей ассигнаціями, который и дѣйствительно вполнѣ обезпечил дочерей той, чья память была священна для Жуковскаго. В дочерях Саши Жуковскій видѣл Сашу и трогательно заботился о них и об их судьбѣ. Не отец — А. Ѳ. Воейков, а Жуковскій распоряжается всѣм их воспитаніем, Воейков же играет только роль приказчика, отдающаго отчет в израсходованіи денег. Так, Воейков не знает даже, какія вещи остались послѣ смерти его жены и обращается, с этим вопросом к Жуковскому. Так Воейков надѣялся в 1833 году увидѣть своего сына, воспитывавшагося в Швейцаріи: «Il y a bien longtemps, bien long-tems — пишет он сыну 25 марта 1833 года, — que je ne vous ai écrit, mon cher fils. J'espérais toujours vous revoir, car l'ami de ta mère, le bienfaiteur de notre famille — Mr. Joukowsky avait le projet de vous retirer de la pension et de vous renvoyer ici! Voilà la cause de mon silence. Joukowsky a changé d'idée; il pense qu'il vous est nécessaire de passer encore quelque tems à Genève pour vous perfectionner dans vos études, afin que lorsque vous veniez ici, vous puissiez tout de suite entrer ou au gymnase, ou à l'un des instituts militaires». И Жуковскій имѣл полное право так распоряжаться судьбою Воейковых, потому что он не переставал о них сердечно заботиться. Так, перед операциею 13/25 июня 1833 года Жуковскій пишет

Наслѣднику: «Я просил Государыню Императрицу быть милостивою покровительницею дѣтей Воейковых и теперь повторяю ту же просьбу в твердом упованіи на ея сердце». И далѣе: «Прошу Вас позаботиться о слѣдующем: тому года три или четыре, как Государь Император пожаловал мнѣ по милости своей аренду на двѣнадцать лѣтъ. Прошу Его Императорское Величество благоволить обратить эту аренду до истеченія срока на мою родственницу Екатерину Аѳанасьевну Протасову, а в случаѣ смерти ея на дѣтей Воейковых». Сообщая о своем письмѣ Наслѣднику Екат. Аѳ., Жуковскій просит ее раздѣлить также «между Сашею и Машею Воейковыми и Катеею Мойер» деньги, вырученныя за изданіе его сочиненій, которым должны заняться Наслѣдник и П. А. Плетнев.

25 іюня 1831 года Жуковскій составил свое завѣщаніе. В первых двух пунктах этого завѣщанія Жуковскій пишет:

1-е. Прошу Государыню Императрицу не оставить сестер Воейковых.

2-е. Билеты на деньги положенные в Государственный заемный банк и в сохранную казну (здѣсь прилагаемые) передать по назначенію, одни: Екатеринѣ Александровнѣ Воейковой, другіе Александрѣ Александровнѣ Воейковой. Сіи билеты могут быть переписаны на их имя и отданы на сохраненіе опекуну Воейковых Дерптскому профессору Мойеру или их бабкѣ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ Протасовой находящейся в Дерптѣ.

4, 5, 6 и 7 пункты завѣщанія опять касаются Воейковых:

4. Я остался должен Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ 10000 рублей, кои она пожаловала мнѣ для Александры Андреевны Воейковой. Ея Величество благоволила позволить чтоб я этот долг обратил на уплату за содержаніе дочерей Проташинскаго в Московском институтѣ...

5. Оставшіяся послѣ меня книги отдать Екатеринѣ Александровнѣ Воейковой: из сих книг исключаются всѣ тѣ кои находятся в шкапах под № I и № II...

6. Фортопьяно отдать Екатеринѣ Александровнѣ Воейковой.

7. За нею и за сестрою ея утвердить двадцатипятилѣтнее право на изданіе моих сочиненій в стихах и прозѣ, к коим присокупить и всѣ неизданныя кои найдутся в моих бумагах.

Е. А. Воейковой же завѣщает Жуковскій и всѣ бумаги «находящіяся в одном из ящичков большаго письменнаго стола». Е. А. Протасовой Жуковскій оставлял самую большую драгоцѣнность — «портрет Александры Андреевны Воейковой и маленькій альбом писанный ея рукою (он находится в настоящее время у А. Ѳ. Онѣгина; замѣтим в скобках, что по этому завѣщанію Жуковскій предполагал оставить Пушкину бюст Шиллера и маленькую статую гипсовую Гете).

В апрѣль 1837 года Жуковскій передѣлал завѣщаніе, сдѣлав сонаслѣдницей Воейковых и дочь Маши — Е. И. Мойер (приводим важнѣйшіе пункты завѣщанія):

1-е. Единственными и полными наслѣдницами всего недвижимаго имѣнія моего, какое послѣ моей смерти оставаться будет, назначаю родственниц моих, дочерей Господина Коллежскаго Совѣтника и Кавалера Александра Ѳедоровича Воейкова, нынѣ в дѣвицах находящихся, Екатерину, Александру и Марію Александровых Воейковых в равной части каждую.

2-е. Сим же трем родственницам моим, Екатеринѣ, Александрѣ и Маріѣ Воейковым завѣщаю послѣ моей смерти арендныя деньги по 3000 рублей серебром в год...

3-е. Все движимое имущество мое завѣщаю родственницѣ моей дочери Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Ивана Филипповича Мойера, дѣвицѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Мойер, за исключеніем однако вещей, которыя могут быть мною особенно назначены кому либо другому, и вещей мнѣ не принадлежащих, которыя должно возвратить тѣм лицам, чью собственность онѣ составляют.

4-е. Ей же дѣвицѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Мойер и наслѣдникам ея отказываю на основаніи законов исключительное право, в теченіе 25 лѣтъ, со дня смерти моей печатать и издавать мои сочиненія в стихах и прозѣ.

26 февраля 1840 года Жуковскій сдѣлал еще приписку к этому завѣщанію (которое оставалось слѣдовательно еще в силѣ) и написал слѣдующую записку: «Прошу в случаѣ моей смерти Государыню Императрицу и Государя Наслѣдника принять под свое покровительство моих Воейковых и исполнить в их пользу то что назначено в моем завѣщаніи. С благодарностью в сердцѣ я увѣрен, что они не откажутся представить обо всем этом Государю; и знаю, что он, мой всегдашній благотворитель, и в сем случаѣ окажет мнѣ новое благотворѣніе».

Через семь мѣсяцев однако (в октябрѣ 1840 года) Жуковскій разорвал и эту записку и завѣщаніе 1837 года и вмѣсто него написал новое, по которому единственной наслѣдницей всего недвижимаго имѣнія своего и аренды он назначил «невѣсту свою дѣвицу Елизавету Рейтерн», вмѣнив ей в обязанность заплатить из доходов имѣнія по векселям, данным Жуковским на имя Воейковых.

Вступая в новую жизнь, в свою семью, Жуковскій и тут не забывает о дочерях Саши и право изданія, печатанія и продажи его сочиненій он вновь закрѣпляет за сестрами Воейковыми.

Послѣднія 11 лѣтъ жизни Жуковскаго проходят вдали от Россіи, и Жуковскій замкнут в своей семьѣ. В эти послѣдніе годы

мы почти не встрѣчаем в письмах Жуковского (который, кстати сказать, становится скуп на письма) упоминаній о Воейковых и о тѣх существах — Сашѣ и Машѣ, — которыя в теченіе четверти вѣка наполняли его душу и его существованіе. Но память их продолжала быть священной для Жуковского и не изгладилась из его сердца.

М. Гофман.